

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сказка Астрид Линдгрен

" Мио, мой Мио! "

И день и ночь в пути

Слушал кто-нибудь радио пятнадцатого октября прошлого года? Может, кто-нибудь слышал сообщение об исчезнувшем мальчике? Нет? Так вот, по радио объявили:

"Полиция Стокгольма разыскивает девятилетнего Бу Вильгельма Ульсона. Позавчера в шесть часов вечера он исчез из дома на улице Упландсгатан, тринадцать. У Бу Вильгельма Ульсона светлые волосы и голубые глаза. В тот день на нем были короткие коричневые штаны, серый вязаный свитер и красная шапочка. Сведения о пропавшем посылайте в дежурное отделение полиции".

Вот что говорили по радио. Но известий о Бу Вильгельме Ульсоне так никогда и не поступило. Он исчез. Никто никогда не узнает, куда он девался. Тут уж никто не знает больше меня. Потому что я и есть тот самый Бу Вильгельм Ульсон.

Как бы мне хотелось рассказать обо всем хотя бы Бенке. Я часто играл с ним. Он тоже живет на улице Упландсгатан. Его полное имя – Бенгт, но все зовут его просто Бенка. И понятно, меня тоже никто не зовет Бу Вильгельм Ульсон, а просто Буссе. (Вернее, раньше меня звали Буссе. Теперь же, когда я исчез, меня никак не называют.) Только тетя Эдля и дядя Сикстен говорили мне "Бу Вильгельм". А если сказать по правде, то дядя Сикстен никак ко мне не обращался, он вообще со мной не разговаривал.

Я был приемышем у тети Эдли и дяди Сикстена. Попал я к ним, когда мне исполнился всего один год. А до того я жил в приюте. Тетя Эдля и взяла меня оттуда. Вообще-то ей хотелось девочку, но подходящей девочки не нашлось, и она выбрала меня. Хотя дядя Сикстен и тетя Эдля мальчишек терпеть не могут, особенно когда им исполняется лет по восемь–девять. Тетя Эдля уверяла, что в доме от меня дым стоит коромыслом, что я притаскиваю с прогулки всю грязь из парка Тегнера, разбрасываю повсюду одежду и слишком громко болтаю и смеюсь. Она без конца повторяла: "Будь проклят тот день, когда ты появился в нашем доме". А дядя Сикстен вообще ничего мне не говорил, а лишь изредка кричал: "Эй ты, убирайся с глаз долой, чтоб духу твоего не было!"

Большую часть дня я пропадал у Бенки. Его отец часто беседовал с ним и помогал строить планеры. Иногда он делал метки на кухонной двери, чтобы видеть, как растет Бенка. Бенка мог смеяться и болтать сколько влезет и разбрасывать свою одежду где ему вздумается. Все равно отец любил его.

И ребята могли приходиться к Бенке в гости и играть с ним. Ко мне никому не разрешалось приходиться, потому что тетя Эдля говорила: "Здесь не место для беготни". А дядя Сикстен поддакивал: "Хватит с нас и одного сорванца".

Иногда вечером, ложась в постель, я мечтал о том, чтобы отец Бенки вдруг стал и моим отцом. И тогда я задумывался, кто же мой настоящий отец и почему я не вместе с ним и с мамой, а живу то в приюте, то у тети Эдли и дяди Сикстена. Тетя Эдля как-то сказала мне, что моя мама умерла, когда я родился. "А кто был твоим отцом, никто этого не знает. Зато всем ясно, какой он проходимец", – добавила она.

Я ненавидел тетю Эдлю за то, что она так говорила о моем отце. Может, это и правда, что мама умерла, когда я родился. Но я знал: мой отец – не проходимец. И не раз, лежа в постели, я украдкой плакал о нем.

Кто был по-настоящему добр ко мне, так это фру Лундин из фруктовой лавки. Случалось, она угощала меня сладостями и фруктами. Теперь, после всего, что произошло, я часто задумываюсь, кто же она такая, тетушка Лундин. Ведь с нее-то все и началось тем октябрьским днем прошлого года.

В тот день тетя Эдля то и дело попрекала меня, будто я причина всех ее несчастий. Около шести часов вечера она велела мне сбежать в булочную на улице Дротнинггатан и купить ее любимых сухарей. Натянув красную шапочку, я выбежал на улицу.

Когда я проходил мимо фруктовой лавки, тетушка Лундин стояла в дверях. Взяв меня за подбородок, она посмотрела на меня долгим странным взглядом. Потом спросила:

– Хочешь яблоко?
– Да, спасибо, – ответил я.
И она дала мне красивое спелое яблоко, очень вкусное на вид.
– Ты не опустишь открытку в почтовый ящик? – спросила тетушка Лундин.
– Конечно, – согласился я.

Тогда она написала на открытке несколько строк и протянула ее мне.
– До свидания, Бу Вильгельм Ульсон, – сказала тетушка Лундин. – Прощай, прощай, Бу Вильгельм Ульсон.
Ее слова прозвучали так чудно. Она ведь всегда называла меня просто Буссе.

До почтового ящика нужно было пройти еще один квартал. Но когда я опускал открытку, то увидел, что она вся сверкает и переливается, словно написана огненными буквами. Да, так и есть, буквы, которые написала тетушка Лундин, горели как на световой рекламе. Я не мог удержаться и прочитал открытку. Там было написано:

Королю Страны Дальней.
Тот, кого ты так долго искал, в пути.
И день и ночь он в пути, а в руке у него волшебный знак – золотое яблоко.

Я не понял ни слова. Но мороз пробежал у меня по коже. Я поспешно бросил открытку в ящик. Интересно, кто же это и день и ночь в пути? И у кого в руке золотое яблоко? Тут я взглянул на яблоко, что мне дала тетушка Лундин. Яблоко было золотое. Теперь я могу поручиться: я держал в руке прекрасное золотое яблоко. Я почувствовал себя страшно одиноким и чуть не заплакал. Пошел и сел на скамейку в парке Тегнера. Там не было ни души. Наверное, все ушли ужинать. Смеркалось, накрапывал дождь. В домах вокруг парка зажглись огни. В Бенкиных окнах тоже горел свет. Значит, он дома, вместе с папой и мамой, ест блины и горошек. Наверно, повсюду, где горит свет, дети сидят возле своих пап и мам. Только я здесь один, в темноте. Один, с золотым яблоком в руках. А что с ним делать, не знаю. Поблизости стоял уличный фонарь, свет от него падал на меня и на мое яблоко. Вдруг в свете фонаря на земле что-то блеснуло. Оказалось, это простая бутылка из-под пива. Конечно, пустая. Кто-то засунул в ее горлышко кусок деревяшки. Может, это сделал один из тех малышей, что днем играют в парке.

Я поднял бутылку и прочел на этикетке: "Акционерное общество пивоварения. Стокгольм, 2-й сорт". Неожиданно мне показалось, будто в бутылке кто-то копошится. Однажды в библиотеке я взял книжку "Тысяча и одна ночь". В ней рассказывалось о духе, который сидел в бутылке. Но то было в далекой-далекой Аравии много тысяч лет назад. Совсем другое дело – простая бутылка из-под пива в парке Тегнера. Разве могут сидеть духи в бутылках стокгольмских пивоварен! Но в этой бутылке на самом деле кто-то был. Честное слово, там сидел дух! И ему не терпелось выйти из заточения. Он показывал на деревяшку, закупорившую бутылку, и умоляюще смотрел на меня. Мне не приходилось иметь дело с духами, и было чуточку боязно вынуть из бутылочного горлышка деревяшку; Наконец я все же решился – дух со страшным шумом вылетел из бутылки; в один миг он начал расти и стал огромным–преогромным. Самые высокие дома вокруг парка Тегнера оказались ему по плечо. С духами всегда так: то они сжимаются и становятся такими маленькими, что умещаются в бутылке, то мгновенно вырастают выше домов.

Невозможно представить, как я перепугался. Я весь дрожал. Тут дух заговорил. Его голос грохотал, будто могучий водопад, и я подумал: вот бы тете Эdle и дяде Сикстену услышать его, а то они вечно недовольны, что люди разговаривают слишком громко.

– Малыш, – сказал дух, – ты освободил меня из заточения. Проси чего хочешь!
Но я вовсе не ждал вознаграждения за то, что вытащил из бутылки деревяшку. Оказывается, дух прибыл в Стокгольм вчера вечером и забрался в бутылку, чтобы хорошенько выспаться. Лучше, чем в бутылке, нигде не выспишься, это знают все духи. Но пока он спал, кто-то закупорил бутылку. Не освободи я его, он, может, протомился бы там тысячу лет, пока не сгнила пробка.

– Это не понравилось бы моему повелителю-королю, – пробормотал дух себе под нос.
Тут я набрался храбрости и спросил:
– Дух, откуда ты?
На миг воцарилась тишина. Потом дух ответил:
– Из Страны Дальней.
Он сказал это так громко, что в голове у меня все зазвенело, но голос его пробудил во мне тоску по неведомой стране. Я закричал:

– Возьми меня с собой! О дух, возьми меня в Страну Дальнюю. Там ждут меня.
Дух покачал головой. Но тут я протянул ему мое золотое яблоко, и дух воскликнул:
– В твоей руке волшебный знак! Ты тот, кого так долго разыскивает наш король.
Он наклонился и обнял меня. Вокруг нас что-то загудело, и мы полетели ввысь. Далеко внизу остались парк Тегнера, темная роща и дома, где в окнах горел свет и дети ужинали вместе со своими папами и мамами. А я, Бу Вильгельм Ульсон, был уже высоко-высоко в звездных краях.

Где-то внизу, под нами, плыли облака, а мы мчались вперед быстрее молнии и с грохотом почище грома. Звезды, луны и солнца сверкали вокруг. Иногда нас окутывал мрак, а потом снова ослепляли дневной свет и такая белизна, что невозможно было смотреть.
– И день и ночь в пути, – прошептал я. Именно так было написано в открытке.
Тут дух протянул руку и указал вдаль на зеленые луга, омываемые прозрачной голубой водой и залитые ярким солнечным светом.
– Смотри, вон Страна Дальняя, – сказал дух. Мы начали спускаться и оказались на острове. Да, то был остров, который плавал в море. Воздух вокруг был напоен ароматом тысяч роз и лилий. Слышалась дивная музыка, которую не сравнишь ни с какой музыкой на свете.

На берегу моря возвышался громадный белокаменный замок, там мы и приземлились.
Навстречу нам что-то бежал вдоль берега. То был сам король. Стоило мне взглянуть на него, как я понял, что это мой отец-король. Я в этом ничуть не сомневался. Отец широко раскинул руки, и я бросился в его объятия...

Вот бы тетя Эдля увидела моего отца! Какой он красивый и как сверкает его шитое золотом и украшенное драгоценными камнями платье! Он был похож на отца Бенки, только еще красивее. Жаль, что тетя Эдля не видит его. Она бы сразу поняла, что отец мой не проходимец.

Но тетя Эдля говорила и правду: моя мать умерла, когда я родился. А глупые служители приюта и не подумали известить моего отца-короля о том, где я нахожусь. Он разыскивал меня долгих девять лет. Я был страшно рад, что наконец нашелся.

Я уже давно живу в Стране Дальней. Все дни напролет я веселюсь. Каждый вечер отец приходит ко мне в детскую комнату, и мы строим планеры и болтаем друг с другом. А я расту и взрослею, и мне здесь отлично живется. Мой отец-король каждый месяц делает метку на кухонной двери, чтобы видеть, насколько я подрос.

– Мио, мой Мио, как ты ужасно вытянулся, – говорит он, когда мы делаем новую метку.
– Мио, мой Мио! Я искал тебя целых девять лет, – говорит он, и голос его звучит нежно и ласково.
Оказывается, меня зовут вовсе не Буссе. Вот! Имя Буссе оказалось ненастоящим, как и моя жизнь на улице Упландсгатан. Теперь все стало на свои места. Я обожаю отца, а он очень любит меня.

Вот было бы здорово, если бы Бенка узнал обо всем! Возьму-ка и напишу письмо и вложу его в бутылку. Потом заткну ее пробкой и брошу в синее море, омывающее Страну Дальнюю. И вот однажды поедет Бенка со своими папой и мамой на дачу в Ваксхольм и, купаясь в море, увидит плывущую бутылку. Забавно, если Бенка узнает обо всех чудесах, которые произошли со мной. И он сможет позвонить в дежурное отделение полиции и сообщить, что Бу Вильгельм Ульсон, которого на самом деле зовут Мио, под надежной защитой в Стране Дальней и ему отлично живется в замке у отца.

Дальше